

Изъ архива князя Л. А. Ухтомскаго.

оскресенье. Вчера вечеромъ, тотчасъ послѣ обѣда, я поѣхалъ отыскивать своихъ знакомыхъ на Бельбекѣ. Мы ночью скакали черезъ лѣсъ, и я не понимаю, какъ я не сломалъ себѣ шею. Съ разсвѣтомъ я возвратился уже на пароходъ. Всѣ наши въ движеніи, собираются въ дорогу, хлопчуть о лошадяхъ, повозкахъ; мы достали простыя телѣги, переправили ихъ на Графскую пристань и часовъ въ 9 тронулись изъ города. Сначала мы хотѣли взять французскій дилижансъ на цѣлый день, но съ насъ запросили 160 франковъ, что показалось намъ слишкомъ дорого.

Выѣзжая изъ города, мы встрѣтили французскій баталіонъ, который съ музыкой входилъ для занятія карауловъ. Миѣ понравилась приспособленіе музыкантовъ, которые на походѣ играли по вотамъ, держа ихъ на проволоку, прикрѣпленной къ инструментамъ.

Дорога къ Камышу сдѣлана изъ прекраснаго шоссе. Влѣво отъ пасторскаго хутора разбитъ большой французскій лагерь. Далѣе бѣольшая часть мѣстности заселена и мѣстами засѣяна. Подѣхавъ въ Камышу, мы увидѣли огромную кремальерную линію, еще хорошо сохранившуюся. Вездѣ движеніе, дѣятельность, шумъ. Мы отыскали улицу Наполеона, магазинъ № 9, который намъ рекомендовали. Въ Камышѣ все очень дорого, кромѣ винъ. На наше замѣчаніе, что многія вещи можно купить дешевле въ Одессѣ, въ магазинѣ намъ отвѣтили, что въ этомъ виноваты русскіе, которые покупаютъ все въ такомъ количествѣ, что теперь, имѣя мало вещей, торговцы принуждены возвышать цѣны. При расчетѣ отъ

насъ принимали наши ассигнаціи. Это показалось намъ страннымъ; но потомъ мы узнали, что русскіе подрядчики доставляютъ на французскую армію скоть (по 42 р. с. штука), за который платятъ нашими же бумажками.

Уже два часа. Французы въ это время завтракаютъ; обѣдаютъ же они въ шесть часовъ. Мы тоже закусили. Завтракъ состоялъ изъ пяти блюдъ. Нанятый нами за 100 фр. дилижансъ уже давно былъ готовъ, и мы поторопились въ Балаклаву, отложивъ на завтра осмотръ эскадры, стоявшей въ Камышевой бухтѣ. Ъхали мы по шоссе очень скоро. Дорогой намъ встрѣчалось множество вьючныхъ муловъ, которые всѣ запряжены во французскія повозки. Удивительно, откуда они могли набрать ихъ въ такомъ множествѣ! Намъ встрѣчалось много кавалеристовъ. Вообще лошади ихъ очень красивы.

Нашъ возничій былъ разговорчивый испанецъ. Онъ намъ рассказывалъ, что ихъ пришло много изъ Испаніи съ мулами, что англичане давали имъ хорошее жалованье; но что, однажды, комиссаръ, который ими завѣдывалъ, скрылся съ ихъ паспортами; что къ нему придралась полиція, и что онъ долженъ былъ отдать всѣ свои деньги, чтобы отдѣлаться; что сначала онъ нанимался у англичанъ, а потомъ у французовъ.

„Кто же лучше изъ нихъ?“ спросили мы.

Онъ немного подумалъ и потомъ отвѣчалъ, что французы лучше въ обращеніи, но что англичане лучше платятъ.

Кромѣ испанца на козлахъ сидѣлъ французскій солдатъ, который рассказывалъ намъ длинную исторію своихъ походовъ въ Африкѣ, гдѣ онъ служилъ 15 лѣтъ и теперь, окончивъ Крымскую кампанію, остается въ Россіи, гдѣ ему очень понравилось.

Мы остановились около Сардинскаго лагеря. Въ это время проѣзжалъ маршалъ Пелисье въ коляскѣ съ французскимъ адмираломъ. Пелисье—человѣкъ средняго роста съ большими черными глазами, съ волосами съ просѣдью. Мы отдали ему честь. Онъ отвѣчалъ намъ тѣмъ же.

Наконецъ мы подъѣзжаемъ къ Балаклавѣ. Намъ встрѣчается много кавалеристовъ на прекрасныхъ лошадяхъ: солдаты одѣты въ красные мундиры. Множество повозокъ тянется по дорогѣ. По сторонамъ деревянные бараки съ полукруглыми желѣзными крышами. Въ лощинѣ—огромный складъ разныхъ колесъ. Далѣе сложены запасы. Вообще картина оживляется.

Новая Балаклава состоитъ изъ деревянныхъ бараконъ, магазиновъ и гостиницъ. На площади—толпа народа.—До стараго города или Балаклавской бухты нужно пройти еще версту. Бухта полна

купеческими судами и пароходами. Суда подходят къ пристани, складываютъ грузъ подъ навѣсъ, отъ котораго начинается желѣзная дорога и идутъ вагоны къ главной англійской квартирѣ. Сегодня праздникъ и работъ нѣтъ.

На Мальтійской плюнкѣ мы прошли вдоль бухты и пристали къ англійскому фрегату. (Онъ — подъ адмиральскимъ флагомъ). Насъ встрѣтилъ вахтенный лейтенантъ, съ которымъ мы пошли осматривать фрегатъ. На концахъ стояли четыре бомбинныхъ орудія съ русскимъ клеймомъ. Вообще—все очень грязно. Пройдя батарею, кубрикъ (гдѣ для матросовъ имѣлись подвѣсные столы), осмотрѣвъ арсеналъ и шкиперскую каюту, мы были приглашены въ каютъ-кампанію, гдѣ намъ подали марсалу и сухари. Изъ англійскихъ офицеровъ одинъ докторъ зналъ по-французски. Изъ насъ никто не говорилъ по-англійски. Съ докторомъ мы все время и говорили. Онъ рассказывалъ намъ, что здѣсь очень скучно, и что охота составляетъ единственное развлеченіе ихъ; что они убили здѣсь много неизвѣстныхъ доселѣ птицъ, чѣмъ обогатилась натуральная исторія, и что теперь собирается большое общество, чтобы сдѣлать путешествіе по всему южному берегу Крыма до Феодосіи.

Во время разговора кто-то изъ насъ упомянулъ большой редантъ (такъ называютъ англичане 3-й бастионъ, противъ котораго они вели осаду, штурмовали его и были отбиты). Нужно было посмотреть на сконфуженныя лица англичанъ. Слово „большой редантъ“ они не могутъ слышать хладнокровно ¹⁾.

Послѣ фрегата мы осматривали паровую пекарню, которая стояла на рейдѣ. Она устроена на суднѣ и, посредствомъ машины, выпускаетъ въ сутки до 7 тысячъ хлѣбовъ (въ 6 ф. каждый), здѣсь 37 работниковъ.

Возвратясь къ дилижансу, мы зашли въ гостиницу закусить. Цѣны на все—ужасныя. Тутъ я наткнулся на двухъ Славуновъ (?), и я не могъ отказаться отъ ихъ дружескаго приглашенія. Мы съ ними вдоволь бранили англичанъ и французовъ и разстались съ надеждою отомстить.

Изъ Балаклавы мы выѣхали часу въ 7-мъ и въ 9-мъ часу возвратились въ Камышъ, тотчасъ пошли въ театръ, партеръ и ложи котораго были полны офицерами и солдатами. Не знаю, какимъ

¹⁾ Рассказываютъ по этому случаю слѣдующій забавный анекдотъ: въ одной французской харчевнѣ было много англійскихъ солдатъ. Одинъ изъ нихъ, выпивши, все приставалъ къ маркитанткѣ. Та, наконецъ, пошла жаловаться своему любовнику.—„Э, моя милая“, отвѣтилъ тотъ спокойно: „Не безпокойся! тебѣ стоитъ только написать..... „большой редантъ“ и англичане ни за что не возьмутъ его“. (Рассказъ кн. Ухтомскаго).

образомъ мы попали въ ложу, гдѣ были и французскіе офицеры. Играли французскій водевиль. При каждомъ каламбурѣ весь партеръ хохоталъ или громко дѣлалъ свои замѣчанія. Въ антрактахъ, когда музыка играла какой-нибудь маршъ, то мало по малу весь партеръ отбивалъ тактъ ногами, такъ что иногда поднимался страшный шумъ. Я не въ состояніи былъ сидѣть; голова трещала ужасно, и передъ концомъ спектакля мы пошли ужинать въ Отель де Салонъ, гдѣ все было очень дорого, и гдѣ за два пирожка я заплатилъ 3 р. с. Въ ожиданіи нашего дилижанса, я сталъ разсматривать общество. За сосѣднимъ столомъ сидѣло нѣсколько французскихъ офицеровъ; дальше пьяная компанія англичанъ слушала какого-то оратора и отвѣчала односложными звуками. Къ намъ подсѣли два французскихъ сержанта и свободно заговорили съ нами по-русски, а на наше удивленіе, сказали, что одинъ изъ нихъ родился въ Россіи, а другой былъ при посольствѣ. Но, по правильному выговору, не трудно догадаться, кто они.—Мы вышли на крыльцо и увидѣли обходъ, который записалъ № гостиницы и, уходя, совѣтовалъ ее запереть. Это значило, что съ хозяина возьмутъ штрафъ.

Слава Богу, нашъ экипажъ готовъ! Вдругъ какъ-то къ нашему кучеру, а потомъ и къ намъ привязался сержантъ иностраннаго легіона. Онъ разсказалъ намъ, что воспитывался въ одномъ германскомъ университетѣ, гдѣ ему наскучило, и онъ, бросивъ все, поступилъ на военную службу. Потомъ онъ присталъ къ нашему испанцу; между ними началась ссора, и тотъ уже выхватилъ, было, ножъ. Они разстались съ угрозами.

Вотъ мы тронулись изъ этой проклятой страны. Было темно, холодно; шелъ проливной дождь. И часу во второмъ ночи мы были на Графской пристани. Здѣсь—новая неудача: катеръ за нами не прислали. Хоти были и военныя шлюпки, но онѣ не имѣли права перевозить ранѣ утра. Намъ пришлось скрыться въ какой-то кабакъ, въ которомъ не было сухого мѣста, и тамъ уже всѣ спали. Мы помѣстились, кто на столѣ, кто на скамейкѣ, усталые, промокшіе и весьма недовольные своей поѣздкою. Воротились мы на пароходъ въ шестомъ часу утра. — Не успѣли отдохнуть и трехъ часовъ, какъ уже пришлось ѣхать съ адмираломъ по нашей оборонительной линіи Сѣверной стороны. Батареи разрушались. Матросы жили въ деревнѣ, ими построенной, тутъ же была и церковь.

На обратномъ пути, проѣзжая рынокъ, мы обратили вниманіе на огромную толпу, которая собралась около чего-то: шумъ, крикъ. Подъѣзжаемъ ближе, видимъ, на землѣ лежитъ связанный англійскій солдатъ, избитый и что-то кричитъ. Въ числѣ зрителей было много иностранцевъ. Мы узнали, что три англичанина за безпорядки

были нами арестованы, но вырвались, едва не убивъ часового, и ѡбжали. Свидѣтелями этой сцены были англійскіе офицеры. Они схватили виновнаго, поколотили его и, связавъ, поскакали догонять другихъ. Подошедшій къ намъ полиціймейстеръ жаловался, говоря, что не знаетъ, что дѣлать, такъ какъ караулъ очень незначителенъ для того, чтобы унимать пьяныхъ иностранцевъ и, хотя англичане и французы присылаютъ по праздникамъ своихъ жандармовъ, но что этого недостаточно. „Еще французы ведутъ себя хорошо“, говорилъ онъ: „но чуть собрались 5—6 человекъ англичанъ—сейчасъ нашьются и давай драться или разбивать лавки“.

Сначала наши люди жили мирно съ иностранцами, всегда вмѣстѣ пьянствовали. Бывало, наши загуляютъ въ гостяхъ, ихъ тамъ уложатъ спать, а тѣ ночью встанутъ пораньше, заберутъ что получше въ домъ—и на утекъ. Тѣ на другой день являются съ жалобой къ нашему начальству. Англичане и французы, съ своей стороны, тоже подали поводъ къ непріятностямъ: заходили въ наши лавки, таскали бутылки съ виномъ, а, ежели сила позволяла, то, подгулявъ, прямо разбивали. Теперь уже дружба кончена и, чуть подопьютъ, сейчасъ драка. Разъ было очень серьезное дѣло: наша шлюпка взялась перевезти нѣсколько французовъ на Графскую пристань. По дорогѣ не сошлись въ цѣнѣ. Наши поворотили назадъ. Этотъ споръ происходилъ ночью, около французскаго парохода, на которомъ полагая, что мы взяли въ плѣнъ, немедленно отправили двѣ вооруженныхъ шлюпки—отбивать своихъ и по ошибкѣ пристали къ людямъ 31-го экипажа, которые не были виновны. Началась драка: у насъ одинъ былъ раненъ и двое взяты въ плѣнъ. Французы потеряли одного плѣннаго. На утро все объяснилось. Но говорятъ, что это дошло до свѣдѣнія французскаго адмирала, и что будто бы командиръ парохода отданъ подъ судъ.

Одинъ англичанинъ подъѣхалъ къ нашему табуну. Наши люди были близко и смотрѣли, что онъ хочетъ дѣлать. Англичанинъ подошелъ къ одной лошади, посмотрѣлъ ее, другую, третью, выбралъ лучшую, осѣдлалъ и, оставивъ свою, дрянную, уѣхалъ къ изумленію зрителей.

Вотъ—отрывокъ изъ дневника князя Ухтомскаго—о посѣщеніи имъ Бердянска.

„... Мы сожгли свои пароходы, а команды отступили во внутрь страны. Непритель прислалъ шлюпку. Навстрѣчу вышелъ градоначальникъ и спросилъ, что имъ нужно, говоря, что это—городъ коммерческой, гдѣ нѣтъ ни военныхъ снарядовъ, ни казенныхъ вещей. На что ему отвѣтили, что частнаго не тронуть, а спрашивали, гдѣ вещи съ парохода?—Имъ заявили, что вещи забраны коман-

дою. Но тутъ нашелся одинъ, который выдалъ, говоря, что вещи съ парохода въ такомъ-то частномъ домѣ. Тогда вещи взяли, домъ сожгли, градоначальника смѣнили и изъ жителей выбрали другого. Потомъ ходили въ Ейскъ, гдѣ былъ большой складъ для арміи хлѣба, сожгли, уничтожили тоже Геническъ, бомбардировали Арабатъ (гдѣ 70 орудій), но отступили. Въ Азовскомъ морѣ сожгли всѣ каботажныя суда“.

Не менѣе интересно то, что записано княземъ, со словъ очевидцевъ, въ его журналѣ относительно блокады Керчи.

Въ іюлѣ 1856 г., князь Ухтомскій попадаетъ въ этотъ опустошенный городъ.

Вотъ—дневникъ его, относящійся къ посѣщенію.

12 мая 1855 года, въ ясную погоду, непріятель сдѣлалъ высадку въ Керченскій проливъ, около Акъ-Буруна. Генераль Врангель послалъ два легкихъ полевыхъ орудія для того, чтобы помѣшать имъ. На нашъ первый выстрѣлъ они отвѣчали залпомъ съ гребныхъ судовъ, послѣ чего казаки возвратились съ отвѣтомъ, что „непріятеля пришло видимо невидимо“. (Въ самомъ же дѣлѣ ихъ было до 18 тысячъ). Ген. Врангель, по числу пришедшихъ судовъ, что непріятель вышелъ въ 70 числѣ тысячъ, велѣлъ взорвать батареи, а войскамъ отступить. Павловская батарея взорвалась первою. Видя это, англійскій адмиралъ собралъ командировъ судовъ, спрашивая ихъ: что за взрывъ? Не подводный ли взорванъ фугасъ? Этого они очень боялись. Для разрѣшенія этого вопроса, одинъ изъ командировъ маленькаго англійскаго парохода вызвался пройти къ фарватеру и осмотрѣть все. Въ это самое время, на скрытой батарее (командиръ мичманъ Бабенко) хотѣли еще дѣйствовать. Но мичманъ Богдановичъ пріѣхалъ туда со вторичнымъ приказаніемъ— взорвать батарею, угрожая иначе строгою отвѣтственностью. И батарея эта взорвалась въ тотъ самый моментъ, когда съ нею поравнялся англійскій пароходъ. Ген. Врангель выѣхалъ изъ города ночью, велѣвъ отвязать колокольчикъ, чтобы не обратить на себя вниманіе народа. Транспорты затоплены у Эникале, пароходы ушли въ Бердянскъ ¹⁾. (Погоня за пароходомъ „Аргонавтъ“).

Городъ въ это время представлялъ изъ себя страшный хаосъ. Всѣ жители столпились на площади, около собора. Непріятель вступилъ въ Керчь 13-го числа, и татары начали грабить городъ. Первые три дня была тѣнь порядка, но когда французы ушли въ Эникале, а на мѣсто ихъ вступили англичане, то тутъ уже начался всеобщій грабежъ. Татары, переодѣтые въ турецкіе костюмы, обирали церкви,

¹⁾ Эникале держался до 6 ч. вечера.

убивали богатыхъ гражданъ и производили насилія. Англійскіе офицеры, вмѣсто того чтобы прекращать безпорядки, не стыдились разбивать замки комодовъ и наполнять карманы всѣмъ цѣннымъ, или разбивать лавки съ красными товарами. Англійскіе морскіе офицеры таскали изъ домовъ на себѣ картины, мебель и проч. Французы же, смотря на нихъ, пожимали плечами. Адмиралъ Лайнсъ очень сердился за это на своихъ. На другой день вступленія своего непріятель зажегъ магазины съ хлѣбомъ, но домовъ еще не разорялъ и укрѣпленій не дѣлалъ, кромѣ рва кругомъ города. Около новаго года, когда разнесся слухъ, что русскіе въ числѣ 70 т. приближаются къ городу, англичане выгнали 20 тысячъ турокъ и татаръ на земляныя работы.

Говорятъ, что въ это время турки были такъ ожесточены на союзниковъ, что ждали только появленія русскихъ, чтобы броситься на французовъ и англичанъ и перерѣзать ихъ. (Французовъ и англичанъ было едва-ли 5 тысячъ). Кругомъ города, на холмахъ, и около Павловской батареи дѣлали окопы и укрѣпленія, по улицамъ сдѣлали баррикады.—Канонерскія лодки подошли къ набережной, стали разорять и жечь дома. Во все время кампаніи въ Керчи оставалось до 1.300 жителей, даже открыты были лавки и учреждена полиція изъ гражданъ. По всему видно, что въ Керчи не было головы ¹⁾. Князь Меншиковъ отказался отъ защиты этого края, Хомутовъ тоже, основываясь на томъ, что у него нѣтъ войскъ. Остался Врангель, который не умѣлъ распоряжаться. Кромѣ того здѣсь сошлись два вѣдомства—морское и сухопутное, мѣшавшія другъ другу. Средствъ къ оборонѣ было множество, Керчь имѣла адмиралтейство, литейный заводъ, матросовъ съ отряда до 700 человекъ, орудія съ транспортовъ и пароходовъ, много жителей для составленія милиціи. Словомъ это былъ второй Севастополь Чернаго моря. Самъ адмиралъ Вульфъ (начальникъ морскихъ командъ Керчи) былъ неспособенъ. Главными же его совѣтниками были К. Л.

¹⁾ Слѣдующій анекдотъ хорошо очерчиваетъ градоначальника—того времени кн. Гагарина. Однажды помощникъ его полковникъ Антоновичъ пришелъ къ нему съ важными дѣлами. Князь долго слушалъ его. Когда тотъ кончилъ, то князь просилъ повторить слова, ибо не слышалъ потому, что все время смотрѣлъ, какъ его птичка воровала зернышки, а мышка подкрадывалась къ птичкѣ, чтобы ее поймать. Но теперь ихъ спугнули. И князь просилъ начать снова. Это уже переходъ къ младенчеству.

(Примѣчаніе кн. Ухтомскаго).

Данилевскій и К. Л. Миленасъ—два глупѣйшихъ и трусливѣйшихъ офицера. Позоръ! Кругомъ позоръ! ¹⁾).

Нѣкоторые полагають, что можно было съ имѣющимися средствами удерживать непріятеля, который, сдѣлавъ эту высадку, мало рассчитывалъ на успѣхъ и былъ очень нерѣшителенъ. Напримѣръ, изъ жителей города можно было составить милицію; солдатъ и матросовъ малоспособныхъ оставить при случаѣ у орудій, а съ остальнымъ отрядомъ, простиравшимся до 5 тысячъ, удалиться за городъ, въ укрѣпленный лагерь. Не говоря уже о томъ, что изъ командъ купеческихъ судовъ, преимущественно греческихъ, бывшихъ передъ тѣмъ въ Азовскомъ морѣ и въ проливѣ, можно было бы составить лихой отрядъ; суда же затопить на фарватерѣ. (Конечно не такъ, какъ затопили транспорты, нагружая ихъ землею, которую вымыло, а суда разбросало).

Въ Керчи былъ сдѣланъ бонъ. Но по совѣту капитана надъ портомъ Д. ²⁾, бревна были разрѣзаны, обхватывали цѣпь, и огромный бонъ, сдѣланный такимъ образомъ, при сильномъ теченіи, быстро товулъ и давалъ намъ много бесполезныхъ хлопотъ, для того, чтобы онъ плавалъ.

Вслѣдъ за тѣмъ, мѣрою, о которой я говорилъ выше, слѣдовало оставленіе Новороссійска и Анапы. Тогда мы были бы такъ же сильны, какъ союзники. Теперь же, взятіе Керчи нанесло намъ страшный ударъ и имѣло пагубное вліяніе на весь ходъ Крымской кампаніи, ибо непріятель истребилъ огромные запасы Азовскаго моря, а взятіе Азовскаго моря потрясло разомъ четыре губерніи. Кромѣ того мы должны были дѣлать подвозъ къ Крымской арміи дальнимъ путемъ, черезъ что правительство истратило 77 милліоновъ лишнихъ, и въ такое время истощились подвозныя средства южнаго края.

Я былъ въ Керчи на Павловской батарее. Ея нѣтъ и слѣда. Сдѣланы новыя укрѣпленія у берега, гдѣ непріятель боялся нашего нападенія. Онъ провелъ кругомъ города, черезъ курганы и татарскую мечеть до карантинной дороги, кремальерную линію. Около моря — множество бараконъ и двѣ паровыя машины для перегонки соленой воды въ прѣсную, ибо это мѣсто — безводное. Сосѣдніе курганы тоже укрѣплены. Большая часть города сожжена или

¹⁾ „Впрочемъ, часть этого разсказа передана мнѣ Г. М., которому, какъ говорятъ, не всегда можно вѣрить“.

(Прим. кн. Ухтомскаго).

²⁾ Фамилія неразобрана въ рукописи князя.

разорена. Изъ домовъ вынуты всѣ мѣдныя вещи, какъ-то: замки, петли и проч., а самое дерево испорчено нарочно. Передъ выходомъ своимъ изъ Керчи англичане посылали каждый день до 300 человѣкъ турокъ съ топорами для уничтоженія фруктовыхъ садовъ. Музеума не существуетъ, лѣстницы тоже. Посѣщая эти развалины, заросшія травой, видишь какъ будто жилища древнихъ народовъ, между тѣмъ, какъ годъ тому назадъ все это было цѣло и обитаемо. Самое зданіе музеума цѣло. Кругомъ разбросаны остатки плитъ съ полустертыми надписями. Одну плиту нашель я цѣлою съ слѣдующимъ изображеніемъ...

Французы оставили Керчь 5-го іюня и всѣ свои постройки подарили городу, но потомъ англичане перебрались въ нихъ и ихъ продавали. И какимъ образомъ! Тѣ же самыя вещи (напримѣръ, на Павловской батарее складъ желѣза, чугуна и разныхъ котловъ), за подписью своего главнокомандующаго Кемпля, проданы нѣсколькимъ лицамъ — и теперь между ними идутъ безконечныя споры. Нѣкоторые изъ иностранцевъ еще торгуютъ въ городѣ, что имъ позволено до 15-го августа. Отъ города къ Павловской батарее сдѣлано ими убійственное шоссе. Черезъ рѣчку французами устроены каменный мостикъ на доскахъ, которыя уже выгнулись.

Уходя 10-го іюня, англичане забрали съ собою до 1.000 человѣкъ татаръ, самыхъ виновныхъ. Со дня заключенія мира купеческія суда спѣшатъ за хлѣбомъ. Въ Азовское море ихъ уже прошло до 6 тысячъ, чему, конечно, способствуетъ временное уничтоженіе карантинна.

На одномъ обѣдѣ, въ послѣднее время, англійскій главнокомандующій г. Кемплъ сказалъ, что Крымъ очень хорошая страна, что Керчь хорошенькій городокъ, который онъ желалъ бы завоевать для Англии и быть въ немъ губернаторомъ. На что одинъ русскій полковникъ, участвовавшій въ обѣдѣ, ему отвѣтилъ, что для этого нужны силы и способности, которыхъ англичане не показали въ эту кампанію. Вообще союзники, и въ особенности англичане дали своимъ поведеніемъ въ Керчи о себѣ самое дурное понятіе. Керчь очень важный городъ, потому что здѣсь близко добывается каменный уголь и огромное количество желѣзной и чугунной руды, много соляныхъ озеръ, удобный рейсъ, и, ежели бы поправить древній молъ, то городъ этотъ, въ самое короткое время, сдѣлался бы богатымъ и торговымъ, тѣмъ болѣе, если къ нему будетъ проведена желѣзная дорога.

Вчера я пошелъ являться къ здѣшнему градоначальнику полковнику Антоновичу, но онъ еще спалъ и, въ ожиданіи, я пошелъ гулять и зашелъ въ соборъ: всѣ украшенія и образа цѣлы, чему мы

обязаны заботамъ отца Іоанна, который все время войны жилъ въ городѣ и всѣми средствами хлопоталъ о сохраненіи храма.

Передъ выходомъ изъ Керчи нѣсколько англійскихъ офицеровъ пришли сюда и взяли золотой крестъ, говоря, что это имъ на память въ Лондонъ. Остальныя же церкви, не исключая и католической, разграблены. Во время службы я былъ одинъ.

Переходя изъ одного разореннаго города въ другой, я былъ вооруженъ противъ союзниковъ; но теперь подумалъ, что подчиненные не виноваты, а виновато правительство. Я усердно молился о томъ, чтобы Богъ вразумилъ людей, примирилъ бы ихъ между собою и послалъ бы на землю миръ и благоденствіе. Во время чтенія Евангелія, какъ здѣсь, такъ и въ Севастополѣ, меня поразило то, что въ церкви щебетали ласточки. Конечно, это—случайно, но оно производило отрадное впечатлѣніе.

Полковникъ Антоновичъ рассказывалъ, что въ началѣ мая 1854 г. онъ былъ посланъ г. Врангелемъ въ Крымъ, къ кн. Горчакову, чтобы объяснить ему положеніе Керчи и просить въ то же время войскъ и батарейную батарею, ибо у насъ, при отрядѣ, было всего 4 легкихъ орудія. На это онъ получилъ отъ князя отказъ и приказаніе, чтобы, при нападеніи непріятели, оставить Керчь и, отступивъ, беспокоить непріятели какъ найдетъ возможнымъ—въ случаѣ, ежели бы тотъ двинулся внутрь.—Полковникъ Антоновичъ объяснялъ то же самое Коцебу, начальнику штаба, на что тотъ отвѣтилъ, что Азовское море—вздоръ и потеря его ничего не значитъ.

Между тѣмъ союзники хотѣли непременно овладѣть Керчью, гдѣ они видѣли постоянное движеніе обозовъ и купеческія суда, которыя безнаказанно брали хлѣбъ и уходили. Они уже дѣлали разъ попытку въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, но возвратились, несмотря на блокаду, имѣя мало войска. Полковникъ Антоновичъ говорилъ, что единственную силу Врангеля составлялъ черноморскій баталіонъ и гарнизонный полубаталіонъ, а потомъ разный сбродъ; что изъ жителей нельзя было составить милиціи, ибо они всѣ заняты были подвозкою къ главной арміи. Составленіе отряда изъ командъ греческихъ судовъ полковникъ считалъ дѣломъ невозможнымъ, ибо они безпрестанно приходили и уходили. Слѣдовательно, держаться было невозможно. Врангель же, отступивъ, занялъ такую выгодную позицію, что могъ все время держаться съ незначительными силами и, въ то же время, беспокоить непріятели. (Казаки не разъ врывались въ самый городъ). Союзники сознаются, что они сдѣлали ошибку, высадившись въ Керчи, а не въ Феодосіи. Тогда бы весь этотъ полу-островъ съ отрядомъ и проч. долженъ былъ бы слатся самъ.

Планъ затопленія судовъ въ Керчи.

8.	2.				
7.	3.	6.	4.	5.	

1. Акъ-Бурну.

- 1) Непрiятельскiй коммерческiй пароходъ.
- 2) Три непрiятельскихъ судна.
- 3) Четыре транспорта и до 60 якорей.
- 4) Транспортъ Арагва.
- 5) Лоцъ-шкунъ.
- 6) Плавучая батарея.
- 7) Пароходъ Донецъ.
- 8) Пароходъ Могучiй.

Остальные суда затоплены въ Бердянскѣ, кромѣ парохода Таганрогъ, который ушелъ въ р. Донъ. Хотя командиру его велѣно было ввести туда же и канонерскiя лодки, но онъ второпяхъ этого не исполнилъ.

Противъ всякаго ожиданiя, я — опять въ Севастополѣ. Здѣсь картина перемѣнилась. Непрiятельскiя войска ушли, и бродяги всѣхъ нацiй наполнили Крымъ. Въ окрестностяхъ небезопасно. Французы ушли 23-го, англичане 30-го iюня. Послѣднiе не измѣнили себѣ до самаго отправленiя: они смѣнили 50 человекъ солдатъ военно-рабочихъ ротъ, давъ имъ на мѣстѣ по 50 р. с. задатку. Наши правленiя уже на Южной сторонѣ города; но жители еще не рѣшаются строиться, не зная новаго плана. Въ городѣ и окрестностяхъ вездѣ горятъ костры: жгутъ падалъ, нечистоты и проч., для очищенiя воздуха. На кладбищѣ Сѣверной стороны считаютъ погребенными 77 тысячъ, и столько же на С.....¹⁾ кладбищѣ. Правительство дало большiя суммы для пособiя татарамъ, но ихъ нельзя считать разоренными. Пострадали только извѣстные уѣзды, напр. Евпаторiйскiй, гдѣ изъ 18 т. татаръ, передавшихся непрiятелю, 12 т. умерло отъ болѣзней, 3 т. пропали безъ вѣсти, а остальные 3 т. возвратились въ разоренные аулы.

¹⁾ Слово неразобрано въ рукописи.

Я объѣхалъ всѣ батареи, пересчитывая взорванные пороховые погреба: ихъ оказалось около одной трети. На бастіонахъ еще остались наши орудія и снаряды. Потомъ осматривали Инкерманскую позицію 4-го августа и мѣсто сраженія. Можетъ быть я ошибаюсь, но мнѣ кажется, что трудно было не взять Федюкиныхъ высотъ, гдѣ сдѣланы небольшіе эполемента для полевой артиллеріи, и только укрѣплена редутомъ одна высота. Отсюда, мимо Сардинскаго лагеря, мы поднялись на Сапунъ-гору. Шоссе, по всѣмъ направленіямъ, пересѣкаетъ мѣстность. Съ высоты Сапунъ-горы все пространство застроено французскимъ и англійскимъ лагеремъ. Тамъ есть улицы, множество вывѣсокъ кофейенъ, кабаковъ и проч. Есть улицы, по которымъ перебѣгаетъ много крысъ. Всѣ эти бараки проданы нашимъ купцамъ за пустую цѣну. Англійскій лагерь всегда можно узнать по огромному количеству разбитыхъ бутылокъ. Въ одномъ мѣстѣ ихъ цѣлая гора“.

„Воскресенье. Сегодня Иннокентій служилъ въ Севастопольскомъ соборѣ и говорилъ проповѣдь, которою предсказывалъ обновленіе Севастополя и его цвѣтущую будущность“.

10 августа.

Общество перестало ѣздить въ Спасскъ и по вечерамъ посѣщаетъ бульваръ. Николаевскій бульваръ—главное мѣсто для гулянья. Представьте себѣ длинныя (1½ версты), широкія аллеи вдоль обрывистаго берега Ингула; внизу, на рѣкѣ, замѣтна морская дѣятельность—видны суда, (одни воротились съ моря), другія готовятся идти на рейдъ (т. е. въ Спасскъ); пароходы разводять пары, купеческія суда выгружаютъ провіантъ или каменный уголь; шлюпки взадъ и впередъ снуютъ между ними; перевозные боты подъ парусами—въ разныхъ направленіяхъ; на транспортахъ видна работа, слышна команда вахтенныхъ офицеровъ, раздаются свистки. Все это напоминаетъ Севастополь, котораго я не могу забыть. Напрасно мы утѣшаемъ себя тѣмъ, что со временемъ у насъ опять будетъ флотъ на Черномъ морѣ, еще лучше прежняго. Можетъ быть многочисленнѣе, но не лучше—гдѣ взять подобныхъ начальниковъ, какъ Г., Л., К. и И.?! Кто дастъ школу для образованія такихъ офицеровъ, какъ Г., М., Т. и многіе другіе?—Когда еще будутъ продолжительныя кампаніи, чтобы дать намъ такія команды, какъ команды корабля 12-ти Апостоловъ, Гавр., Силистріи, Коварны, Орфея, Ласточки, Язона, Энея и проч., и проч.? Гдѣ найдется человѣкъ, способный образовать эту гармонию и влить въ общество

морское ту нравственность, то рвеніе къ службѣ, которыми мы могли гордиться по справедливости? Намъ указываютъ на камеръ-кампанію пароходства. Она можетъ дать много денежныхъ выгодъ, но не воротитъ намъ прежняго, ибо деньги *развращаютъ* нравственность.—Зачѣмъ эти тяжелыя воспоминанія?! Лучше *пройдемся* по бульвару. Солнце сѣло. Пришла экипажная музыка, и толпы гуляющихъ наводнили аллей“.

Въ 1857 году, князь—снова въ Севастополѣ и въ его дневникѣ находимъ такія замѣтки:

„До сихъ поръ не могу привыкнуть къ развалинамъ Севастополя. Прохожу ночью мимо разрушенныхъ домовъ или около могилъ адмираловъ, и какой-то священный страхъ объемлетъ мою душу. Мнѣ такъ и кажется, что вотъ-вотъ выйдетъ покойникъ. Сегодня мнѣ показалось даже, что въ темнотѣ сверкнули чьи-то глаза—и меня бросило въ жаръ; но страхъ скоро прошел“.

„Мнѣ пришло въ голову—начать морской журналъ, т. е. описаніе портовъ Чернаго моря ихъ жизни, разныхъ морскихъ случаевъ и, наконецъ, служебныхъ занятій, молодого, неопытнаго командира. Право, это было даже занимательно для читателей. Напримѣръ, начнемъ хотъ съ Евпаторіи, изъ которой я вернулся вчера вечеромъ: 8 мая, въ 6 ч. послѣ обѣда, я снялся съ якоря изъ Севастополя и пошелъ къ Евпаторіи,—до которой считается 32 мили. Ночь проштилевали и только утромъ, въ 7 ч. я бросилъ якорь. Сейчасъ же отправился на берегъ къ тамошнему городничему капитанъ-лейтенанту Гусакову, моему старому сослуживцу. Черезъ два часа мы уже отправились съ нимъ верхами—осматривать оборонительную линію, сдѣланную союзниками для обороны Евпаторіи въ послѣднюю войну. Оборонительная линія опоясываетъ городъ отъ моря до моря. Толстые бруствера мѣстами выложены камнями изъ разбросанныхъ домовъ, и мѣстами одѣты дерномъ. Глубокій ровъ наполненъ водою, частью изъ ближайшихъ колодцевъ, частью съ моря. Вся эта кремальерная линія показываетъ большія работы непріятеля; но это уже не та самая линія укрѣпленій, на которую шли наши войска штурмомъ 5 февраля 1855 г. Тѣ укрѣпленія были ближе къ городу. Теперь, за первую линіей, идутъ вторая и третья. Въ центрѣ послѣдней находится большой редутъ (названный редутомъ Омаръ-паши), отъ котораго проведено въ городъ шоссе. Сзади кремальерной линіи видны мѣста турецкаго лагеря и начатыя каменные казармы. Обѣзжая городъ, мы не замѣтили большого разрушенія: немногіе дома пострадали и только разобраны кварталы, ближайшіе къ оборонительной линіи, для которой брали камень. Предстоящіе визиты помѣшали

намъ проѣхать *на редутъ*, и мы успѣли посѣтить только общій памятникъ. (Сдѣлана порфирова колонна съ мѣднымъ крестомъ наверху русскимъ, убитымъ на штурмѣ 5 февраля). Остановившись около памятника, мы сошли съ лошадей и помолились за упокой падшихъ здѣсь.

Хотя мѣсто погребенія ихъ достовѣрно неизвѣстно, но памятникъ поставленъ именно на надлежащемъ мѣстѣ, потому что здѣсь было самое большое число убитыхъ.

Отсюда мы проѣхали на Караимское кладбище. Оно представляетъ странный видъ: надъ каждой могилою—большія плиты камня (даже мрамора), изображающія гробы. И передъ вами—цѣлыя поля окаменѣлыхъ гробовъ. Говорятъ, что за этими камнями (а, можетъ быть, и на татарскомъ кладбищѣ, которое немного дальше и гдѣ почти такіе же надгробные памятники) была главная схватка во время штурма. Возвратившись домой, мы отправились на званый обѣдъ къ директору здѣшняго карантиннаго форта Н. И. Казначееву.

Послѣ обѣда мы снова отправились верхами по берегу моря, чтобы взглянуть на остатки непріятельскихъ судовъ, выброшенныхъ на берегъ бурей 2 ноября 1854 г. Всѣхъ разбитыхъ судовъ считаютъ 11-ть. Часть ихъ разбита волненіемъ, часть разобрана жителями на дрова—и теперь подъ водою видны только 6-ть судовъ. Всѣ они разбились около городскихъ мельницъ и носомъ стоятъ къ берегу. Первымъ бросается въ глаза транспортъ подъ № 53: онъ будто стоитъ на якорѣ, весь цѣль, съ 3 мачтами. Транспортъ этотъ купленъ однимъ караимомъ за 800 р.

Далѣе лежитъ на боку колесный корветъ. Потомъ мы проѣхали мимо останковъ желѣзнаго винтового парохода (проданнаго за 25 р. с.). Далѣе, почти рядомъ съ кораблемъ Генриха IV, видны обломки другого транспорта подъ № 55. Всѣ эти суда брошены и ломаются на дрова. Смотри на остатки разбитыхъ судовъ, я не могу понять почему Черноморское вѣдомство не взяло на себя очистку Евпаторійскаго рейда, тѣмъ болѣе, что, какъ говорятъ, документы на покупку судовъ большей частью — ложные. Я даже сомнѣваюсь, имѣли ли право союзники продавать разбитыя суда, когда, по трактату, они должны были очистить наши берега къ 1 іюня 1856 г...

Жаль смотрѣть на постепенное уничтоженіе вещей, которыя могли бы быть съ пользою употреблены для флота.

1 сентября 1854 г. непріятельскій флотъ прошелъ въ Евпаторію, а 4 числа союзники заняли городъ. Незвѣстно, на какомъ основаніи англичане требовали тогда отъ города 3.600 р. с. ежедневной кон-

трибун, чего имъ, конечно, не дали, да и не въ состояніи были дать.

Оборонительныя работы Евпаторіи не могутъ удивлять насъ, ибо мы знаемъ, что у союзниковъ было здѣсь до 40 тысячъ гарнизона и до 30 тысячъ окрестныхъ татаръ. Бѣдственно было положеніе татаръ въ прошлую кампанію: въ городѣ союзники морили ихъ земляными работами и голодомъ; въ деревнѣ же ихъ грабили русскіе, а генераль Корфъ поступилъ съ ними, какъ съ бунтовщиками“.

Сообщ. А. В. Жиркевичъ.

